

Тимофеев Никита Павлович

Записки следователя

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н62

Н62 **Никита Павлович Т.**
Записки следователя / Тимофеев Никита Павлович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 383 с.

ISBN 978-5-519-76698-2

Содержание: 1. Первые впечатления. 2. Убийство и самоубийство. 3. Поджигатели. 4. Тюремный мир. 5. Грабительская шайка. 6. Преступление суеверия. 7. Проститутка

ISBN 978-5-519-76698-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Психологическая и нравственная сторона жизни каждаго человѣческаго общества имѣеть всегда немало отпечатковъ въ преступныхъ ея проявленіяхъ, говоря иначе, преступная сторона жизни каждаго человѣка, есть по большей части непосредственное и прямое послѣдствіе психическихъ настроеній и движеній его сердца, ума и воли. — Преступникомъ никто не рождается, но преступниковъ формируетъ сама жизнь, въ той массѣ ея безконечныхъ и разнообразныхъ неблагопріятныхъ комбинацій, которая часто отъ безпомощно-дѣтскаго возраста, и до глубокой старости, выпадаетъ на долю многихъ и многихъ людей, дѣлающихся преступниками. Бѣдность, нищета, пороки, страсти, превратности въ жизни, — вотъ основы, и преимущественныя причины всѣхъ совершающихся на землѣ преступленій. — Удалить эти причины, и тѣмъ поставить человѣческое общество внѣ преступной возможности — немыслимо. Это не зависитъ отъ власти людей, ибо если не всѣ, то многія изъ подобныхъ причинъ, неразрывно связаны съ существомъ человѣческой природы и ея неизбѣжныхъ склонностей, а потому если бы человѣческое общество было совершенно лишено преступниковъ, то это слѣдовало бы считать ненормальнымъ явленіемъ природы и доказательствомъ неполнаго развитія жизни подобнаго общества. — Не всякое преступленіе непременно заключаетъ въ себѣ, по существу, начала безнравственности, а

относительно причинъ, доводящихъ людей до преступленій, многія, если и бывають безнравственны, то эта безнравственность, заключающаяся въ самомъ свойствѣ преступнаго дѣянія, слагается очень часто подъ вліяніемъ такихъ душевныхъ элементовъ преступника, которые, отдѣльно взятые, не представляютъ ничего несовмѣстнаго съ требованіями правдивой человѣческой совѣсти. — Одинъ лишь утлый и предубѣжденный противъ челоѣчества обскурантизмъ, и крайне ограниченное понятіе обо всѣхъ свойствахъ, далеко еще вполнѣ, не изслѣдованной духовной стороны челоѣческой природы, могутъ видѣть въ каждомъ преступникѣ непремѣнно челоѣка безнравственнаго. Кто будетъ спорить противу того, что громаднѣйшая масса разныхъ каторжныхъ и ссыльныхъ, только потому возмущаетъ и оскорбляетъ въ насъ наше нравственное чувство, что мы видимъ ее въ кандалахъ, съ полувыбритыми головами, съ бубновымъ тузомъ на спинѣ, и обыкновенно при весьма неблагоприятной обстановкѣ. Но если бы мы симпатію или антипатію къ каждому изъ подобныхъ субъектовъ основывали не на этихъ внѣшнихъ признакахъ преступности, а на ознакомленіи съ тѣми обстоятельствами его жизни, которыя, волей или неволей, довели его до бритаго затылка, то ни этотъ несчастный атрибутъ, ни звенящіе кандалы, ни даже самъ бубновый тузъ, не могли бы внушать намъ отвращеніе къ каждому преступнику безусловно. Анализируя почаще подобныя случаи, мы въ сужденіяхъ своихъ дѣлались бы болѣе снисходительными къ участи преступнаго міра, а заглядывая въглубь своей души, и строго провѣряя всѣ свои дѣйствія, можетъ быть находили бы и за собою такіе поступки, помыслы и стремленія, которые только подъ вліяніемъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, не довели насъ до первоначальнаго и грустнаго положенія преступника. Высказываясь въ нѣкоторыхъ образахъ, я однако же далекъ отъ мысли оправдывать все болѣе и преступленія непремѣнно случайностями, и тѣмъ къ я отъ того, что въ практической жизни, среди

разнаго рода арестантовъ, часто приходится наблюдать такія личности, которыя не только не могутъ заслуживать какое либо къ нимъ сочувствіе, но напротивъ, по роду своихъ дѣйствій и обстоятельствъ, сопровождавшихъ ихъ, достойны полнаго презрѣнія. Къ числу такихъ личностей я отношу преступниковъ, если только можно такъ выразиться — по ремеслу, которые въ общей фалангѣ преступной массы являются обыкновенно звѣздами первой величины. Большею частію это бываютъ личности, утратившія всякое человѣческое чувство, всякое достоинство мыслящаго разумнаго существа, низшедшія до степени какого-то звѣрскаго животнаго направленія и совершившія преступленіе не подъ вліяніемъ какихъ нибудь независѣвшихъ отъ нихъ обстоятельствъ или неострашимыхъ причинъ, а съ полнымъ умысленнымъ сознаніемъ, и во всемъ безграничномъ проявленіи своихъ злонамѣренныхъ побужденій и наклонностей — личности, которыя имѣли полную возможность избѣгнуть совершенія преступленій, но умышленно ринувшись въ ихъ омутъ для того только, чтобы потомъ, съ самымъ грубымъ цинизмомъ, гордиться передъ другими тѣмъ, что они надѣлали, а въ гнусѣйшихъ своихъ побужденіяхъ и дѣйствіяхъ видѣть и олицетворять (конечно по своему) апогеи своей преступной, безнравственной и подъ часъ кровавой славы.... Преступники по ремеслу, какъ нравственные уроды, составляютъ аномалію человеческого общества, — чего нельзя сказать относительно всѣхъ другихъ преступниковъ, но какъ тѣ, такъ и другіе, не идутъ въ разладъ съ жизнію, и не могутъ быть изъ нея исторгнуты, потому что составляютъ одну изъ темныхъ, грустныхъ, но неизбѣжныхъ ея принадлежностей.

Безконечное разнообразіе причинъ, порождающихъ преступленія, даетъ множество самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, не только между преступленіями разныхъ видовъ, но даже въ степени и свойствахъ одного и того же рода преступленій. Раскрытіе этихъ разнообразныхъ мотивовъ и обслѣдованіе со всевозможною тща-

стію обстановки, въ которой то или другое преступленіе совершилось, составляет главную и непосредственную задачу каждаго Судебнаго Слѣдователя. Собрать факты къ одному лишь обвиненію, и тѣмъ почестъ роль свою въ производствѣ уголовного процесса оконченною, — недостойно добросовѣстнаго Слѣдователя, ибо истинная миссія его есть одновременное группированіе фактовъ, какъ обвиняющихъ подсудимаго, такъ и оправдывающихъ его по отношенію къ тѣмъ причинамъ, которыя довели его до преступленія. Последнее бываетъ преимущественно необходимо въ тѣхъ случаяхъ, когда преступникомъ является лице изъ невежественной массы, по складу своихъ мыслей и убѣжденей, старающееся иногда даже скрыть отъ Слѣдователя такое обстоятельство, которое можетъ повліять на смягченіе его вины, но которое, по его мнѣнію, не слѣдуетъ высказывать.—

Продолжительная моя практика въ должности Судебнаго Слѣдователя, ознакомила меня съ цѣлою нитью разныхъ преступленій въ лицѣ всевозможныхъ обвиняемыхъ, начиная отъ самыхъ законренѣлыхъ злодѣевъ, и кончая крайне наивными личностями, доставила мнѣ возможность изучить бытъ и нравственный складъ преступниковъ, освоиться съ такими проявленіями человѣческой натуры, которыя прежде были мнѣ неизвѣстны, и вообще во многомъ разъяснила передо мною психическую сторону нашей жизни. Разнообразіе испытанныхъ мною среди преступнаго міра впечатлѣній и ощущеній, и самый интересъ многихъ уголовныхъ происшествій, мною обследованныхъ, навели меня на мысль, составить и издать въ свѣтъ свои записки, по тѣмъ наброскамъ, которыя я отъ времени до времени записывалъ для себя. Сибѣ думать, что, заключая въ себѣ изложеніе уголовныхъ происшествій, представляющихъ собою событія изъ міра дѣйствительнаго, онѣ не могутъ не быть интересны, и вѣроятно многими прочтутся не безъ удовольствія, тѣмъ болѣе, что при вполне понятномъ и легко объясненномъ стремленіи всякой образованной среды къ чтеніямъ подобнаго рода,

отечественная наша литература въ этомъ отношеніи представляетъ еще довольно значительный пробѣлъ.

Принести съ своей стороны посильную лепту на пополненіе этого пробѣла, — вотъ цѣль, которую я имѣю, издавая въ свѣтъ свои записки.

Въ заключеніе прошу читателя не ожидать и не требовать отъ меня блестящаго литературнаго изложенія, потому что я вовсе не имѣю поподзмовенія стяжать себѣ своимъ трудомъ какую нибудь литературную извѣстность, а если рѣшаюсь пустить записки въ свѣтъ, то единственно лишь по причинѣ мною вышеобъясненной.

Начальную главу своихъ записокъ я посвящаю описанію моихъ первыхъ, по должности Слѣдователя, впечатлѣній. Полагаю, что эта глава хотя и неподходящая прямо подъ общую программу моихъ записокъ, тѣмъ не менѣе прочтется не безъ интереса, потому что въ живыхъ и яркихъ краскахъ представитъ общую картину той обстановки, среди которой я началъ свою службу въ должности Слѣдователя. —

г. Б-на. 11 Января 1871 г.

Н. Тимофѣевъ.

I.

Первыя впечатлѣнія.

Въ послѣднихъ числахъ Января мѣсяца 1864 года, я получилъ назначеніе на должность судебного слѣдователя въ одну изъ губерній Западной Окраины Россіи, гдѣ въ то время Польское возстаніе, поддерживаемое панамъ и ксендзо-шляхетствомъ и бывшее передъ тѣмъ въ полномъ разгарѣ, начинало уже стихать. Мнѣ было въ то время только 22 года отъ роду, я еще очень недавно окончилъ курсъ наукъ и, по опредѣленіи моемъ на службу, былъ причисленъ къ одному изъ Н-скихъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, въ которомъ впредь до пріобрѣтенія мною опытности въ канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ, меня, не взирая на мое специальное образованіе, засадили за переписку бумагъ и за подшивку дѣлъ. Какъ ни возмущалъ меня подобный родъ занятій, требовавшій исключительно лишь механическихъ приемовъ, но до времени нужно было подчиниться горькой необходимости, и я съ терпѣніемъ и стойкостію исправнѣйшимъ манеромъ исполнялъ каждодневно свою немудрую работу. Вѣроятно, труды мои были оценены по заслугамъ, потому что въ очень скоромъ времени ближайшій мой начальникъ, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, общалъ мнѣ похлопотать о моемъ повышеніи. Человѣкъ онъ былъ хорошій и обходительный, ужасающихъ приемовъ не имѣлъ, обращался съ подчиненными человѣчески, но безъ фамильярности, былъ просто,

доступенъ и деликатенъ, иногда, будучи въ веселомъ расположеніи духа, дозволялъ себѣ даже и пошутить съ нашимъ братомъ. Но мнѣ Иванъ Ивановичъ преимущественно, — не знаю только за что — благоволилъ; увидеть бывало, проходя по канцеляріи, что я корплю надъ перепиской, или колю себѣ съ непривычки пальцы, подшивая бумаги и давай утѣшать:

— Практикуйтесь, молодой человекъ, практикуйтесь; не увявайте духомъ, все въ пользу пойдетъ, начнетъ онъ...

— Да помилуйте, Иванъ Ивановичъ — перебьешь его съ досады — какая тутъ практика, бумаги переписывать да подшивать, эта практика надоела ужъ, дайте мнѣ хотя какуюнибудь умственную работу, а то вѣдь за такую механикою можно просто отупѣть.

— Не торопитесь, не торопитесь, не вѣ торопе - па, — острилъ Иванъ Ивановичъ въ отвѣтъ на мою тираду, и, смѣясь, проходилъ въ свой кабинетъ.

Столъ, въ которомъ я состоялъ, былъ слѣдственный. Шкафы этого стола ломились подъ тяжестью разныхъ старыхъ уголовныхъ дѣлъ. Однажды, столоначальникъ, въ вѣденіи котораго я находился, поручилъ мнѣ отыскать справку изъ одного дѣла. Я сталъ копаться, отыскалъ нужное дѣло, и разыскивая въ немъ справку, увлекся содержаніемъ его, началъ читать, такъ что о справкѣ и забылъ, и ее долженъ былъ отыскивать самъ мой столоначальникъ. Такъ какъ подобныя увлеченія съ моей стороны бывали потомъ не рѣдки, то онъ меня за то не залюбилъ, а дѣлать мнѣ замѣчанія не рѣшался, потому что я всегда съ нимъ спорилъ, а онъ этого никакъ переносить не могъ. Этому обстоятельству я былъ обязанъ тѣмъ, что ближайшее мое начальство оставило меня въ покоѣ; я совершенно удалился отъ подшивки и переписки и съ увлеченіемъ занялся пересчитываніемъ старыхъ уголовныхъ дѣлъ. Убіиства, мошенничества, разбои, грабежи такъ и зарыли у меня въ глазахъ, а дѣйствующія въ нихъ лица, то въ томъ, то въ другомъ образѣ, безпрестанно воз-

никали и исчезали въ моемъ воображеніи. Во всѣхъ этихъ процессахъ, на ряду съ самымъ содержаніемъ ихъ, меня не менѣе того интересовали тѣ приемы и **Пути** слѣдователей, которыми они добирались до **Пути** дѣла. Я мысленно сочувствовалъ каждому открытію въ дѣлѣ какого нибудь обстоятельства, и напротивъ, меня пробирала досада, когда я видѣлъ, что какой нибудь фактъ, несмотря на старанія слѣдователя, оставался не разъясненнымъ. Постояннымъ чтеніемъ этихъ старыхъ дѣлъ я незаметно дошелъ до того, что во мнѣ возникла та страсть къ роли слѣдователя, которая въ извѣстной долѣ служить всегда немалымъ ручательствомъ его будущихъ преусиженій на служебномъ поприщѣ. Тотъ не слѣдователь, думалъ я, кто занимается своимъ дѣломъ по одной лишь обязанности, безъ увлеченія и сочувствія къ самому свойству своего назначенія. Проникнувшись такимъ убѣжденіемъ, я мысленно рѣшилъ въ умѣ своемъ непременно добиться должности слѣдователя. Мнѣ казалось, что ни на какой другой родъ занятій я болѣе неспособенъ, и недолго думая, я написалъ и вручилъ Ивану Ивановичу докладную записку, въ которой просилъ походатайствовать предъ начальствомъ о предоставленіи мнѣ гдѣ-нибудь должности судебного слѣдователя. Иванъ Ивановичъ очень удивился моему пассажи, посмотрѣвъ на меня чрезъ очки, сомнительно покачалъ головою, какъ бы желая сказать «не дѣло, братъ, ты затѣялъ», однакоже обѣщался хлопотать объ исполненіи моего желанія. Послѣ подачи записки и пересказать не могу, что съ мною дѣлалось: и во снѣ, и на яву, я сталъ бредить разслѣдованіями разныхъ преступленій самаго запутаннаго свойства, мысленно производилъ допросы, строилъ разные планы какъ бы уличить въ такомъ-то случаѣ, какъ бы раскрыть то-то, и въ чаяніи благоприятнаго исхода моей записки томился нетерпѣливыми ожиданіями.

Товарищи мои по службѣ всѣ мнѣ сочувствовали и предсказывали полный успѣхъ, но сочувствіе ихъ было довольно своеобразно.

— Вотъ загуляешь-то, — говорили они мнѣ — какъ получишь слѣдователя: самъ себѣ хозяинъ, никто надъ душой не стоитъ, хочешь занимайся, не хочешь ничего не дѣлай, а тысячу рублей въ годъ получай. Важно! счастье да и только — восклицали они.

Ровно черезъ мѣсяцъ желаніе мое исполнилось, я былъ назначенъ судебнымъ слѣвателемъ въ одну изъ западныхъ губерній. Назначеніе свое я встрѣтилъ съ полнымъ восторгомъ: во первыхъ потому, что въ немъ исполнялось мое задушевное желаніе, а во вторыхъ, — оно избавляло меня отъ безжизненнаго бумажнаго міра, и главнымъ образомъ отъ моего докучливаго столоначальника, который въ послѣднее время сталъ очень недружелюбно относиться къ моему препровожденію времени и манкированію подшивкой и перепиской, а однажды даже возымѣлъ смѣлость сказать мнѣ, что канцелярія не библіотека, гдѣ бы можно заниматься чтеніемъ.

Сборы мои въ дорогу были не долги. Передъ отъѣздомъ я зашелъ къ Ивану Ивановичу проститься. Онъ встрѣтилъ меня ласково, подавъ мнѣ руку и заговорилъ первый.

— Ну-съ, поздравляю васъ, господинъ судебный слѣдователь, — началъ онъ: желаю вамъ отъ души полнаго успѣха. Раненько только вамъ эту должность дали, вотъ годика такъ черезъ два можно бы, все таки были бы по опыту, да по осторожности, а теперь еще не то... молодо-зелено... еще подъ часъ и вѣтерокъ въ голову заходить.

— Я буду дѣйствовать осмотрительно, — отвѣчалъ я Ивану Ивановичу — и увѣренъ, что эта осмотрительность на первыхъ порахъ замѣнитъ мнѣ практику и опытность.

— Дай Богъ, дай Богъ, но только не увлекайтесь ничѣмъ черезъ чуръ. Знаете, это какъ бы сказать вамъ, будьте похладнокровнѣе, чтобы ревность ваша въ службѣ да усердіе такъ-сказать не переливали бы черезъ край — объяснял мнѣ Иванъ Ивановичъ и потомъ продолжалъ: Вотъ еще, молодой человѣкъ, послушайте совѣта. Ѣдете вы въ ту мѣст-